

З. З. Мухина

СТАРЫЕ ДЕВЫ В РУССКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ СРЕДЕ (вторая половина XIX — начало XX в.)

Система социовозрастной стратификации пронизывала все стороны крестьянской жизни. Наряду с семьей и общиной половозрастные группы представляли первичные единицы общества. Им отводилась огромная роль в преемственности, накоплении опыта, его межпоколенной трансляции, конструировании на основе традиций конкретных стереотипов поведения [5, 22, 23]. При стремительных социально-экономических изменениях жизни крестьянства в пореформенный период половозрастная структура крестьянского социума продолжала сохранять свою стабильность еще в первые десятилетия XX в. Многообразные взаимодействия таких разноплановых общностей, как семья и община, с одной стороны, и социовозрастные группы — с другой, приводили к значительной вариативности форм отношений в общественной реальности. В русской крестьянской среде поведение, семейные роли, имущественные права, ритуальные функции и все другие стороны жизни были в высокой степени стереотипизированы и жестко регламентированы. Имелась явная зависимость положения женщин от возрастной и социально-семейной стратификации.

Исследование одной из маргинальных групп женщин — старых дев должно способствовать выявлению особенностей связей и отношений в семье и общине, жизненного цикла женщин русской крестьянской среды пореформенного периода. Группа старых дев, казалось бы, нарушала установившийся традиционный порядок жизни, однако вследствие разнообразия и гибкости отношений и связей внутри крестьянского социума трансформировалась так, что согласованным образом включалась в его жизнь. Это происходило многообразными путями: женщины из данной группы вовлекались в хозяйственную, ритуальную, религиозную деятельность, выполняли воспитательные и образовательные функции. Как и другие социовозрастные группы женщин, старые девы составляли неотъемлемую, органичную часть крестьянского социума. Хотя стародевичество воспринималось как отклонение и даже как моральное уродство [13, с. 156—157], своим существованием эта социовозрастная группа не только не расшатывала патриархальные устои, но своей включенностью в жизнь деревни способствовала функционированию традиционного общества. Обобщающих этнографических исследований, касающихся явления стародевичества, крайне мало. Из работ последних десятилетий, дающих ему общую характеристику, отметим статьи А. В. Гуры [6] и Г. И. Кабаковой [13] в энциклопедии «Славянские древности», а также Н. И. Прокопьевой [21] в популярной энциклопедии «Мужики и бабы».

В данной статье сделана попытка в некоторой степени восполнить указанный пробел. В основу работы положены материалы недавно введенных в

3. 3. *Мухина. Старые девы в русской крестьянской среде*
(вторая половина XIX — начало XX в.)

научный оборот выпусков многотомного издания «Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы» [24—33] — наиболее полного и систематического источника, повествующего о жизни русских крестьян на рубеже веков. Кроме того, использована разбросанная, отрывочная и погребенная в недрах этнографической литературы (главным образом до 1917 г.) информация о разных аспектах жизни этой категории женщин.

Старые девы (старая девка, седая макушка, вековуха, вековушка, девуниха, домовуха, браковка, старая ведьма, непокрытая голова, старка, перестарка, невеста прокисла, домовая девица, однокосая) [24, с. 467; 27, с. 310; 28, с. 229; 30, с. 317; 7, с. 86; 36, с. 29, 31; 21, с. 96—99] — девушки, которым по каким-то причинам не удалось выйти замуж. Девушка в 22—23 года считалась засидевшейся, с этого возраста ее шансы выйти замуж были невелики [24, с. 467; 27, с. 310; 28, с. 229; 32, с. 357, 368; 10, с. 77]. Отмечены случаи, когда на 20-летнюю девушку смотрели уже как на вековуху, перестарку [27, с. 204, 308]. Брак считался богоугодным делом, поэтому к полноценным членам крестьянского социума относили лишь тех, кто обзавелся семьей, в силу чего со старыми девами по крестьянским представлениям ассоциировалась некоторая ущербность. Положение старых дев было маргинальным, оно существенно отличалось от статуса замужних женщин в социальном, правовом, ритуальном и других отношениях. Категория старых дев, с учетом матримониальных традиций русского крестьянства, была довольно многочисленной. По материалам переписи 1897 г., например во Владимирской губернии, на девушек в возрасте 20—29 лет их приходилось 20,2 %, в возрасте 30—49 лет — более 8 % [18, с. VI], в Ярославской губернии эти группы составляли 36,5 % и более 16 % [19, с. VIII]. Соответствующие показатели для холостых мужчин во Владимирской губернии — 28,1 % и менее 4 %, в Ярославской губернии — 46,5 % и около 8 % [18, с. VI; 19, с. VIII]. Распространение безбрачия было неравномерным, существенный отпечаток накладывали локальные особенности. Так, по сообщению А. В. Балова, в ряде местностей Пошехонского уезда Ярославской губернии безбрачие представляло довольно редкое явление, особенно у мужчин [25, с. 506]. В то же время в Вологодской губернии случаи безбрачия были нередки (у женщин гораздо чаще, чем у мужчин) [29, с. 105]. Несмотря на участвовавшие в пореформенный период случаи внебрачного сожительства, категория старых дев оставалась достаточно многочисленной. В местностях с развитым отходничеством из-за большого перевеса количества женщин одни девушки нанимались в работницы во время сенокоса и страдной поры поденно и сдельно, другие, соблазненные лучшим заработком или из-за необходимости сокрытия «греха», отправлялись в столичные города прислугой — кормилицами, кухарками, няньками [10, с. 72].

Причины безбрачия были весьма разнообразны [6, с. 147; 13, с. 156—157]. Одной из самых распространенных причин являлись физические недостатки: уродство, глухота, болезненность, близорукость, хромота и др. [25, с. 506; 28, с. 229; 29, с. 106; 31, с. 219]. Это вполне понятно, поскольку жену брали в дом не только для продолжения рода, но и как работницу. Чаще обрекали себя на безбрачие девушки физически слабые и при этом из более или менее зажиточных семей, имевших достаточные средства. В крестьянской среде

причиной безбрачия девушек без внешних изъянов считали также порчу, нарушение ритуалов при рождении или брачных обычаев [6, с. 147; 21, с. 96; 13, с. 156—157].

Достигшая брачного возраста и не вышедшая замуж девушка постепенно выбывала из группы потенциальных невест. Так, 20-летнюю девушку начинали «браковать»: если несколько лет «сидит в девках», то, значит, имеются какие-то недостатки.

Маргинальное положение отражалось в атрибутике социовозрастного символизма. Оно проявлялось изменениями в манерах поведения, внешнем облике и т. д. Вхождение в группу старых дев маркировалось «смиренной» одеждой, представлявшей комбинацию девичьего и старушечьего наряда: платок вместо женского головного убора, глухая темная одежда без украшений, отсутствие поясной одежды (поневы), одна коса. Ношение одежды определенного типа являлось жестким императивом, его нарушение влекло за собой негативную реакцию окружающих [4, с. 26, 50].

Вместо участия в хороводах и гуляньях молодежи старые девы старались больше общаться с замужними женщинами [32, с. 368; 2, с. 267; 38, с. 529]. Девушка переставала ходить на беседы, наряжаться и «невеститься». Парню считалось зазорно жениться на перестарке, это была незавидная партия. Таким образом, перед девушкой стояла невеселая задача: найти соответствующего своему положению жениха — социально или физически ущербного, отвергнутого другими девушками из-за плохого рода, бедности, слабого здоровья или крайней безнравственности («непутящего»). Имелась еще возможность выйти за вдовца. Тут надо принять во внимание одно обстоятельство: выйти замуж за вдовца мешали предубеждения, суеверия о наведенной им «порче» на покойную жену, о гнилости рода и др. Девушки старались избегать таких женихов [11, с. 32—33; 3, с. 64; 10, с. 77].

Сильное влияние на замужество девушки с физическими недостатками оказывало деревенское «общественное мнение». Если за такую девушку кто-то начинал свататься, соседские женщины считали своим долгом непременно разубедить жениха. Они собирались у него в доме, где каждая женщина высказывала свое мнение. При этом к действительно имеющемуся недостатку всегда добавлялись другие, несуществующие. Препятствием к браку могли быть распространяемые вымыслы и слухи, а также венерические болезни, туберкулез, психические расстройства, слабоумие родителей невесты [29, с. 106, 408]. В число отрицательных факторов могло входить сложившееся мнение о дурном поведении девушки, нарушение невинности, разборчивость в женихах [25, с. 506; 26, с. 383; 27, с. 310; 28, с. 229; 29, с. 107; 32, с. 359].

Огромное значение в брачных отношениях имели материальные соображения, особенно это касается пореформенного периода. Бедность невесты, недостаток приданого служили значительными препятствиями при заключении брака [25, с. 506; 31, с. 219]. Однако считать такое положение дел повсеместным нельзя. Так, корреспондент Этнографического бюро из Калужского уезда Калужской губернии указывал, что невступление в брак по такой причине было явлением редким [27, с. 310], тогда как в Вельском уезде Вологодской губернии она была сильным и наиболее распространенным препятствием [29,

*3. 3. Мухина. Старые девы в русской крестьянской среде
(вторая половина XIX — начало XX в.)*

с. 107]. Иногда девушки сами не желали выходить замуж [28, с. 229], они боялись замужней жизни и оставались в доме родителей или братьев [26, с. 383], а также с овдовевшим отцом, чтобы помочь ему справиться с малыми детьми [30, с. 376]. Дочь оставалась в доме отца, помогала в работах по хозяйству, пользуясь вполне достаточным содержанием. Точно так же взрослая сестра могла остаться незамужней в доме родного брата по его просьбе или совету из-за недостатка в работниках [36, с. 29]. Непростая альтернатива для крестьянской девушки — выйти замуж или остаться старой девой — выражена в словах Н. А. Иваницкого: «Баба спорит со старой девкой: “Я не дура — у меня муж есть!” “Я не дура — замуж не пошла!” — возражает последняя» [12, с. 55].

Вхождение в группу старых дев сопровождалось обретением соответствующего статуса, который не обладал в глазах крестьянского социума той же степенью определенности и нормативности, как статус девушек и замужних женщин. Из сказанного следует, что в деревне отношение к девушкам, не вышедшим замуж, было амбивалентным. С одной стороны, существовала веками культивируемая и поддерживаемая церковью традиция замужества, которое считалось богоугодным делом, и только замужнюю женщину относили к полноправным членам общества. Но если девушка оставалась вне брака по собственному выбору, по обету или для поддержки вдового отца с малыми детьми, это соответствовало религиозным и крестьянским канонам и встречалось с одобрением [29, с. 108; 30, с. 376; 2, с. 267].

Тем не менее о большинстве незамужних в деревне отзывались неодобрительно [27, с. 310], про них говорили, что они «смуцают семью» [36, с. 61]. Старые девы нередко считались бесполезными членами общества, несмотря на их достоинства и трудолюбие: «Старая девка — семейная язва. Старые девки считаются воплощением злобы...» [12, с. 54]. Но в некоторых местностях отношение к старым девам было вполне терпимое и даже одобрительное, их уважали, считая «менее греховными, чем прочие, в смысле сохранения ими девственности без вкушения плотского греха и греха, бываемого в супружестве по случаю семейных ссор и дразг» [30, с. 376].

Понятием безбрачия объединялись старые девы, вдовы, старухи, уже не имевшие супружеских отношений. Традиционные взгляды на брак как жесткий императив проявлялись в том, что в случае смерти старая дева должна была хоть символическим образом, но выйти замуж. Похороны старых дев оформлялись как свадьба, даже подбирали «мужа» для будущей супружеской жизни «на том свете» [6, с. 147—148].

Отметим объединения старых дев, выходившие за рамки традиционного крестьянского социума. Существовали некие сообщества девственниц, носившие сектантский характер. Их члены отказывались от брака, обрезали себе косы, соблюдали посты, носили темное платье [32, с. 247]. Иногда несколько старых дев составляли что-то вроде коммуны, жили вместе в одном помещении («келье»). Они избирали «главную», которая управляла хозяйством. Заработки и питание у них были общими, они вместе молились, вместе приобретали все, что требовалось для жизни [36, с. 61].

Обычно же старая дева оставалась жить в доме родителей или кого-либо из родственников. Хотя положение старых девиц в семье нельзя было назвать

хорошим, их, как правило, не притесняли: «живут в свою волю» [31, с. 214; 27, с. 531; 33, с. 360; 37, с. 133]. В случае каких-либо семейных неурядиц приоритет отдавался семье в ущерб личным правам старой девы. Если ее в семье притесняли, она не могла обратиться с жалобой к сельскому сходу или в суд. На все жалобы ответ был один: если тебе в семье плохо, отделись от нее [35, с. 350—351]. По народным представлениям, вековухи должны были оставаться невинными, потеря девственности и рождение ребенка ими считались особенно позорными [6, с. 147]. Однако описаны случаи, когда старые девы рожали детей и на это смотрели снисходительно. Детей они воспитывали сами, а отца ребенка вынуждали давать средства на пропитание, «выждав, когда он задумает жениться; в этих случаях народ оправдывает девиц — по пословице: “Любил кататься, люби и саночки возить”» [32, с. 356].

Семейная роль старой девы не ограничивалась только тем, что она являлась помощницей и советчицей для своих родителей, иногда она достигала высокого положения в семье. Описаны случаи, когда старая дева становилась большухой, и не только в семьях, где умерли родители, но и в полной семье [24, с. 446—447; 25, с. 341; 26, с. 98; 20, с. 558—559]. Иногда в доме при отце большухой становилась не старшая сноха, а ловкая старая дева [29, с. 361], «отцова сестра, всем делом правит» [33, с. 360]. В деревне Петрилово (Тотемский уезд Вологодской губернии) в семье с большим количеством женщин большухой была девушка 30 лет, сестра большака. По словам одного из крестьян, «все бабы в дому и слушают эту большуху. Ну и девка, ух!» [31, с. 423]. Они, «как сами незамужние, завидуют своей снохе и страшно на нее злятся, — общий недостаток всех старых дев» [8, с. 127]. Невестки всегда находились у них в подчинении [32, с. 368].

Коснемся некоторых аспектов правового положения старой девы. При дележе наследства она получала лишь имущество матери, ее брал «на пропитание» кто-либо из братьев, к кому она желала пойти; никакой прибавки к наделу брата из-за нее не было. При желании жить отдельно вековухе строили отдельное жилище (келью) с небольшим участком земли. Имеются данные, что в некоторых местностях происходили не совсем обычные для сельской России явления — дележ сестер. Если старая дева была большухой и не хотела жить в семье, то при дележе отец давал ей как большухе иногда чуть ли не равную часть с братьями. Некоторые из них, отделившись, выходили замуж. «Нужно заметить, что в описываемой местности старых дев порядочно, — пишет корреспондент из Вологодской губернии. — Поэтому дележ сестер явление почти заурядное» [29, с. 361]. Старая дева, если не жила в семье родных, старалась, пока были силы, скопить себе на старость и дожить свой век в своем уголке. Она легко находила себе место в чужих людях: их обыкновенно брали в няни [33, с. 360].

Отношение деревенского сообщества к старым девам было противоречивым [1, с. 75—76]. С одной стороны, отсутствие половой жизни сближало их с группами невинных девушек и старух, поэтому они могли участвовать в различных ритуальных обрядах. Например, широко известен обряд, совершавшийся в русских деревнях во время эпидемий для предохранения от проникновения опасных болезней. Старые девы, девушки, вдовы, старухи впрягались в

*3. 3. Мухина. Старые девы в русской крестьянской среде
(вторая половина XIX — начало XX в.)*

косулю (соху) и проводили борозду вокруг деревни, полагая, что опахивание является защитой [24, с. 232; 27, с. 320—321; 2, с. 269; 15, с. 217—218; 34, с. 90—91; 17, с. 63]; они могли быть знахарками [9, с. 107—108; 1, с. 75]. С другой стороны, старым девам приписывались различные вредительские действия, в результате чего они не могли быть повитухами, присутствовать при родах, ставить квашню и выпекать хлеб для всей семьи, участвовать в свадебных обрядах и пире [21, с. 98; 13, с. 157].

Непорочных старых дев приглашали обмывать тела покойников, укладывать их в гроб [24, с. 102; 26, с. 214, 390; 27, с. 312—313; 28, с. 255—259; 31, с. 206—208; 32, с. 76]. Такие обязанности рассматривались, видимо, как наказание: «Под сердитый час мать погрозит купить ей [дочери — старой деве] шайку, мыло и мочалу “покойников мыть”» [32, с. 368], — пишет корреспондент Этнографического бюро из Санкт-Петербургской губернии.

Старые девы выполняли и просветительскую роль. Они обучали грамоте женщин, чтобы те могли «по церквам, молельням исполнять обязанности причетника, наставницы, читать по покойникам, молиться за усопших» [14, с. 270], читали и писали письма неграмотным женщинам [10, с. 97] и др.

В заключение необходимо подчеркнуть, что не только девушки-крестьянки, но и крестьянские парни, оказавшиеся вне брака, были ущемлены в экономическом, социальном, правовом отношении. Неженатый парень, если ему было даже далеко за тридцать, никем всерьез не воспринимался, он был не «мужик», а «малый». Его клеймили самыми позорными для крестьян именами, бесцеремонно выражали свои догадки о его физическом уродстве. Холостое состояние было сродни безнравственному поведению.

Таким образом, женщина без мужа не имела самостоятельной ценности. Крестьянка девичеству зачастую предпочитала самую «худую» партию [16, с. 43]. Статус старой девы в европейской деревне воспринимался как социально неполноценный.

Библиографический список

1. Бернитам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в. : половозрастной аспект традиционной культуры. Л. : Наука, 1988. 278 с.
2. Быт великорусских крестьян-землепашцев : описание материалов Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева : (на примере Владимирской губернии). СПб. : Изд-во Европейского дома, 1993. 472 с.
3. Весин Л. Современный великорус в его свадебных обычаях и семейной жизни // Русская мысль. 1891. № 9. С. 59—88.
4. Гринкова Н. П. Родовые пережитки, связанные с разделением по полу и возрасту : (по материалам русской одежды) // Советская этнография. 1936. № 2. С. 21—54.
5. Громыко М. М. Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиции // Советская этнография. 1984. № 5. С. 70—80.
6. Гура А. В. Безбрачие // Славянские древности : этнолингвистический слов. М. : Междунар. отношения, 1995. Т. 1. С. 147—148.
7. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Рус. яз., 1980. Т. 3. 555 с.

8. *Добрынкина Е.* Бытовая жизнь крестьянки в Муромском уезде // Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. 1875. Вып. 1. С. 119—130.
9. *Добрынкина Е.* Жизнь, нравы и обычаи крестьян в Меленковском уезде // Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. 1875. Вып. 1. С. 69—118.
10. *Жбанков Д. Н.* Бабыя сторона : статистическо-этнографический очерк // Материалы для статистики Костромской губернии / Костром. губ. стат. ком. Кострома, 1891. Вып. 8. С. 1—136.
11. *Звонков А. П.* Современные брак и свадьба крестьян Тамбовской губернии Елатомского уезда // Сб. сведений для изучения быта крестьянского населения России. М., 1889. С. 24—49. (Тр. этногр. отд. ИОЛЕАЭ ; вып. 1).
12. *Иваницкий Н. А.* Материалы по этнографии Вологодской губернии // Сб. сведений для изучения быта крестьянского населения России : (обычное право, обряды, верования и пр.). М., 1890. С. 1—234. (Тр. этногр. отд. ИОЛЕАЭ ; вып. 2).
13. *Кабакова Г. И.* Старая дева // Славянские древности : этнолингвистический слов. М. : Междунар. отношения, 2012. Т. 5. С. 155—157.
14. *Краснопёров В. В.* Крестьянские женщины перед волостным судом // Сб. правоведения и общественных знаний. СПб. : Тип. А. Ильина, 1893. Т. 1. С. 273—299.
15. *Малыхин П.* Быт крестьян Воронежской губернии Нижнедевицкого уезда // Этнографический сб., издаваемый Русским географическим обществом. СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1853. Вып. 1. С. 203—234.
16. *Миронов Б. Н.* Вокруг свадьбы. Представления русского крестьянина о семье, браке, детях // Знание — сила. 1976. № 10. С. 42—45.
17. *Мухина З. З.* Вдова в русской крестьянской среде: традиции и новации (вторая половина XIX — начало XX в.) // Женщина в российском обществе. 2012. № 4. С. 62—71.
18. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / ЦСК МВД. СПб., 1904. Вып. 6 : Владимирская губерния / под ред. Н. А. Тройницкого. 251 с.
19. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / ЦСК МВД. СПб., 1904. Вып. 50 : Ярославская губерния / под ред. Н. А. Тройницкого. 254 с.
20. *Потехин А.* Деревенские мироеды // Вестник Европы. 1880. Т. 2. С. 553—574.
21. *Прокопьева Н.* Вековуха // Мужики и бабы : мужское и женское в русской традиционной культуре : иллюстрированная энцикл. СПб. : Искусство-СПб., 2005. С. 96—99.
22. *Пушкарёва Н. Л.* Позорящие наказания для женщин в России XIX — начала XX в. // Этнографическое обозрение. 2009. № 5. С. 120—134.
23. *Пушкарёва Н. Л.* Сексуальность в частной жизни русской женщины (X—XX вв.): влияние православного и этакратического гендерных порядков // Женщина в российском обществе. 2008. № 2. С. 3—17.
24. Русские крестьяне : жизнь. Быт. Нравы. СПб. : Деловая полиграфия, 2004. Т. 1 : Костромская и Тверская губернии. 568 с. Далее: РКЖБН.
25. РКЖБН. СПб. : Навигатор, 2006. Т. 2 : Ярославская губерния, ч. 1 : Пошехонский уезд. 608 с.
26. РКЖБН. СПб. : Навигатор, 2006. Т. 2 : Ярославская губерния, ч. 2 : Даниловский, Любимский, Романо-Борисоглебский, Ростовский и Ярославский уезды. 552 с.
27. РКЖБН. СПб. : Деловая полиграфия, 2005. Т. 3 : Калужская губерния. 648 с.
28. РКЖБН. СПб. : Навигатор, 2006. Т. 4 : Нижегородская губерния. 412 с.
29. РКЖБН. СПб. : Навигатор, 2007. Т. 5 : Вологодская губерния, ч. 1 : Вельский и Вологодский уезды. 624 с.

К. А. Полозова, А. А. Федотов. Гендерный аспект реализации законодательства, регулирующего религиозную сферу в СССР в 1929—1990 гг.

30. РКЖБН. СПб. : Деловая полиграфия, 2007. Т. 5 : Вологодская губерния, ч. 2 : Грязовецкий и Кадниковский уезды. 840 с.
31. РКЖБН. СПб. : Деловая полиграфия, 2007. Т. 5 : Вологодская губерния, ч. 4 : Тотемский уезд. 808 с.
32. РКЖБН. СПб. : Деловая полиграфия, 2008. Т. 6 : Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. 600 с.
33. РКЖБН. СПб. : Навигатор, 2009. Т. 7 : Новгородская губерния, ч. 2. 624 с.
34. *Селиванов В. В.* Год русского земледельца : зарисовки из крестьянского быта : Зарайский уезд Рязанской губернии. Изд. 4-е. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 152 с.
35. Смоленский этнографический сборник / сост. В. Н. Добровольский. СПб. : Тип. С. Н. Худекова, 1893. Ч. 2. 447 с.
36. *Титов А. А.* Юридические обычаи села Никола-Перевоз Сулотской волости Ростовского уезда. Ярославль, 1888. 113 с.
37. *Тихонов В. П.* Материалы для изучения обычного права среди крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии // Тр. этнографического отдела ИЮЛЕАЭ : сб. сведений для изучения быта крестьянского населения России : (обычное право, обряды, верования и пр.). М., 1891. Вып. 3. С. 2—146.
38. *Толстая С. М.* Одежда // Славянские древности : этнолингвистический слов. М. : Междунар. отношения, 2004. Т. 3. С. 523—533.

ББК 67.3(2)6+63.3(2)6-37

К. А. Полозова, А. А. Федотов

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО РЕЛИГИОЗНУЮ СФЕРУ В СССР В 1929—1990 гг.

Советское законодательство, регулирующее религиозную сферу, оформилось в 1929 г. принятием постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» и с незначительными изменениями действовало до 1990 г., когда было принято союзное и российское законодательство о свободе вероисповеданий. Хотя в Советском Союзе и провозглашалось равенство мужчин и женщин, реализация законодательства о религии не всегда этому тезису соответствовала.

В некоторых советских законодательных актах прямо прописывалось запрещение создания, например, чисто женских кружков при религиозных объединениях, что косвенно свидетельствовало о неравноправии полов, т. к. женщины были в массе более активны в религиозном плане и, возможно, по мнению составителей постановления 1929 г. и документов, регулирующих его применение, требовались дополнительные законодательные ограничения этой активности. Религиозным объединениям запрещалось «организовывать как специально детские, юношеские, женские молитвенные и другие собра-